

УДК 327.8(5-191.2) (575.2)(04)

РОССИЯ, США И КИТАЙ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В.С. Власов

Рассматривается значимость Центральной Азии для трех мировых держав – России, США и Китая, а также их позиции и стратегии в отношении центральноазиатского геополитического пространства.

Ключевые слова: Центральная Азия; геостратегическое положение; геополитическое пространство; стратегии национальной безопасности; сотрудничество; национальные интересы.

Распад Советского Союза ликвидировал геополитический вакуум в Центральноазиатском регионе (ЦАР), ранее недоступном, по понятным причинам, для других стран. Выгодное геостратегическое положение региона, наличие огромных природных богатств и, в первую очередь, энергоресурсов, перспективы создания транспортной инфраструктуры, соединяющей Запад и Восток, роль плацдарма для борьбы против международного терроризма превратили Центральную Азию в один из наиболее привлекательных для великих держав объектов геополитических притязаний [1]. Современные аналитики, оценивая значимость центральноазиатского геополитического пространства, отмечали: “Лучшие надежды развитого мира на то, чтобы в XXI в. избежать энергетической зависимости от Саудовской Аравии и стран Персидского залива, обращены к ресурсам каспийского бассейна и внутренних частей Центральной Азии, расположенных на пути к пустыне Такла-Макан в Западном Китае. Страны, обладающие этими потенциальными богатствами, рассматривают их как ключ к своему будущему” [2].

Все эти обстоятельства привели к возникновению борьбы между геополитическими центрами силы за влияние в Центральноазиатском регионе сразу же после распада СССР. До конца 90-х гг. прошлого века эта борьба носила вялотекущий характер, поскольку сложившийся тогда в регионе геополитический статус-кво устраивал всех заинтересованных игроков. Своеобразным рубежом стало 11 сентября 2001 г.: Центральная Азия оказалась в эпицентре борьбы за стратегическое доминирование в ней ключевых игроков –

США, России и Китая и приобрела особое геополитическое значение.

Геостратегия США в Центральной Азии является частью Евразийской стратегии этой страны, вовлекающей в сферу своего действия, помимо стран Центральной Азии, Каспийского и Кавказского регионов, Россию, Афганистан, страны Среднего Востока, Южной Азии и Китай [3, с. 52]. По словам З. Бжезинского, главная цель США заключалась в том, чтобы “укрепить и сохранить существующий геополитический плюрализм на карте Евразии”, исключающий возможность “появления враждебной коалиции, которая попыталась бы бросить вызов ведущей роли Америки”, а в перспективе содействовать появлению “в стратегическом плане совместных партнеров, которые под руководством Америки могли бы помочь в создании трансевразийской системы безопасности” [4, с. 235].

В основе Евразийской стратегии США лежат принципы теории конфликта цивилизаций, несовместимости культуры, формирующейся в восточно-православном, буддийском, конфуцианском и исламском мирах, с западным культурно-общественным устройством. Важное место в геостратегических и геополитических планах Америки отводится Центральной Азии в рамках активно продвигаемого американской администрацией в последнее время проекта “Большая Центральная Азия”. Эта идея базируется на неолиберальных глобалистских представлениях о размывании национально-государственных функций и всесии рынка, а также на постулатах мировой “шахматной игры” З. Бжезинского и хантингтоновского противостояния цивилизаций [5].

Концепция Большой Центральной Азии была впервые предложена директором Института Центральной Азии и Кавказа Ф. Старром в статье “Партнёрство для Центральной Азии”, опубликованной в 2005 г., где автор обосновал идею нового региона, включающего в себя Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Афганистан. Суть плана состояла в том, чтобы связать в единое военно-стратегическое и геополитическое целое Центральную Азию и Афганистан, а затем связать Большую Центральную Азию с Большим Ближним Востоком, который в будущем должен был контролироваться США [6, с. 20]. Кроме того, этот проект предполагал решение задачи, связанной с достижением цели, направленной на существенное ослабление влияния в Центральной Азии России и Китая. В качестве целостной внешнеполитической стратегии эта идея была озвучена К. Райс в октябре 2003 г. В январе 2004 г. она была включена в ежегодное президентское послание “О положении в стране” как центральная внешнеполитическая стратегия Америки, новая глобальная миссия. Её суть состоит в том, что отсутствие в регионе, простирающемся от Северной Африки и до Южной и Центральной Азии, политической свободы, более или менее обнадеживающих перспектив на будущее, порождает благоприятную среду для терроризма [6, с. 20].

Реализация этого проекта позволила бы США оторвать Центральную Азию от евразийского пространства, естественной частью которого она является, изолировать государства региона от России и СНГ в целом, а также построить кордон между регионом и Китаем. Объединение в один регион с Афганистаном, переживающим период отсталости, может иметь крайне негативные последствия для стран Центральной Азии и, прежде всего, прервать процессы их модернизации на европейской основе [6, с. 20]. В Национальной стратегии безопасности США, принятой в марте 2006 г., говорится о том, что “Южная и Центральная Азия являются регионом чрезвычайной важности, где американские интересы и ценности вовлечены как никогда ранее”, и делается вывод, что отношения США со странами Южной Азии могут стать базой для более глубокого вовлечения в дела Центральной Азии. Что касается Афганистана, то он, по мнению американских стратегов, примет на себя историческую роль моста между Южной и Центральной Азией, соединяя два этих ключевых региона [6, с. 21].

Помимо планов включения региона в систему геостратегических и геополитических координат, преследующих цели усиления позиций США в глобальных масштабах, страны Центральной Азии крайне привлекательны и по ряду других причин. Остановившись на них, помощник госсекретаря США Э. Джонс еще в октябре 2003 г. заявил: “Стратегическими интересами США в Центральной Азии являются: безопасность, включение в борьбу с терроризмом, распространением и оборотом наркотиков, энергетика, а также внутренние реформы [7].

Система стратегических взаимоотношений США со странами Центральной Азии была поэтапно создана в 90-е гг. прошлого века. В 1999 г. американским конгрессом был принят закон о стратегии Шёлкового пути, что свидетельствовало о важности геостратегических и геополитических интересов США в Центральной Азии. В том же году Центральная Азия была передана в зону ответственности Центрального командования США, что резко усилило процесс военного сотрудничества с государствами региона. В 2001 г. сенат США создал Специальный подкомитет по вопросам Центральной Азии.

Военное присутствие США в Центральной Азии позволяет им на длительную перспективу обеспечить формирование выгодной для себя геополитической и геостратегической ситуации [8].

Важнейшей целью США является установление долгосрочного контроля над энергоресурсами региона. Более чем очевидно, что объявление Центральной Азии зоной стратегических интересов США было напрямую связано с наличием колоссальных запасов нефти и газа в бассейне Каспийского моря. Это явилось подтверждением того, что провозглашаемые американцами зоны стратегических интересов всегда совпадают с географическим расположением крупнейших запасов энергетических ресурсов. Масштабные планы по укреплению своего влияния в регионе в военно-политической области они связывают с реализацией программы “Каспийская стража”, цель которой – установление военно-политического контроля над Каспийским регионом. Предполагается ослабить позиции России и Китая в регионе, установить американский контроль над транспортировкой каспийских энергоресурсов на мировой рынок в обход России и добиться доминирующего военно-политического и экономического влияния США в этом чрезвычайно важном регионе мира [9, с. 35].

Не менее важную роль в региональном раскладе сил играет и другая страна – Китай. В гео-

стратегическом и геополитическом планах её отличие от других стран, пытающихся разыграть региональную карту, заключается в том, что Китай непосредственно граничит с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, а история многообразных, в том числе экономических, политических, военных и культурных отношений с народами Центральной Азии насчитывает несколько тысячелетий. В связи с этими особенностями геостратегического и геополитического положения Китая следует сказать о том, что китайский “акцент” в региональной политике Центральной Азии присутствовал постоянно, по сути дела, на протяжении всей истории этого региона и оказывал постоянное влияние на его народы.

Вместе с тем, следует отметить, что интерес со стороны великого соседа к региону ощутимо возрос после распада СССР и был обусловлен рядом причин, в числе которых следует назвать его ресурсы и геостратегическое положение. Специалисты отмечают, что “главными задачами стратегии Китая в отношении Центральной Азии являются, во-первых, обеспечение стабильности на западных границах и содействие реализации программы ускоренного экономического развития запада КНР. Во-вторых, обеспечение гарантированного доступа к источникам энергии для быстро развивающейся экономики Китая. И, в-третьих, противодействие доминирующему влиянию США на экономическом, политическом и военном уровнях” [2]. По словам руководителя отдела изучения России и Центральной Азии Шанхайского института международных исследований Чжао Хуашена, стратегические интересы Китая в Центральноазиатском регионе вполне очевидны и прозрачны. Во-первых, это сдерживание сепаратистских сил “Восточного Туркестана”. Во-вторых, обеспечение такого уровня безопасности, при котором Центральная Азия являлась бы надёжным тылом Китая. В-третьих, развитие многоплановых экономических отношений, превращающих регион в объект сотрудничества в области внешней торговли и один из источников импорта энергии [1].

Следует также обратить внимание и на геостратегический аспект политики Китая. Он базируется на стремлении руководства КНР обеспечить в долговременной перспективе геостратегические и геополитические интересы своей страны в глобализирующемся и быстро меняющемся мире, в обстановке ужесточающегося противоборства мировых держав за место под солнцем. К числу важнейших аспектов этого противоборства китайские лидеры относят об-

ладание энергоресурсами. Дело в том, что уже сегодня высокие темпы роста экономики Китая не обеспечиваются развитием топливно-энергетического комплекса страны, испытывающего всё больший дефицит энергоресурсов [10]. Уязвимым местом Китая является обеспечение его экономики энергоресурсами. Две трети импортной нефти он экспортирует из стран Персидского залива. Предполагалось, что если к 2010 г. он не расширит источники получения энергоносителей из других регионов мира, этот показатель достигнет 80% [11, с. 80]. Важнейшей стратегической целью, от реализации которой зависит будущее страны, является надёжное обеспечение энергоресурсами быстро развивающейся экономики, поэтому, по мнению экспертов, энергетика является важнейшей составляющей экономического сотрудничества Китая со странами Центральной Азии.

Кроме того, важнейшей геостратегической задачей для Китая на ближайшее будущее является достижение диверсификации источников энергоресурсов [1]. Главная цель усилий КНР заключается в том, чтобы избежать зависимости от морских поставок и расширить доступ к сухопутным российским и центральноазиатским энергомаршрутам, в которых он крайне заинтересован [11, с. 81]. Политика Китая, направленная на сотрудничество с центральноазиатскими странами в области использования региональных энергоресурсов, свидетельствует о том, что руководство страны предпринимает серьёзные усилия для того, чтобы снизить зависимость от импорта энергоносителей морскими путями, в частности, с Ближнего Востока через Малаккский пролив, который сейчас находится под контролем США [12].

Современные геостратегические и геополитические реалии свидетельствуют о нарастании соперничества между США и КНР. По мнению В. Шнайдера-Детерса, “в подъёме Китая в качестве великой державы США видят вызов своей доминирующей позиции в Азии и даже за её пределами. США признают в Китае своего стратегического конкурента в XXI веке, который может поставить под угрозу их глобальную гегемонию” [13].

В плане нарастания соперничества двух держав можно сделать вывод о том, что политики и военные США уже сегодня активно готовятся к предстоящей борьбе с Китаем. Многие действия этой страны уже сегодня расцениваются как начало процесса окружения и сдерживания Китая. Американское военное присутствие

в Центральной Азии, появление вооружённых сил США в непосредственной близости от западной континентальной границы Китая, имеющей стратегическую важность, и одновременное военное развёртывание в районе его восточных морских границ, а также в Южной и Восточной Азии могут оцениваться так, будто США предпринимают действия по геостратегическому окружению КНР [7].

В. Шнайдер-Детерс считает, что истинной целью создания американских военных баз в Центральной Азии является осуществление контроля ракетного потенциала Китая [13]. Интересы США и Китая сегодня и особенно в перспективе будут сталкиваться в зоне Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и Юго-Восточной Азии (ЮВА), но для Китая важно, с учётом неизбежной конфронтации с США, иметь для себя безопасный тыл в Центральной Азии. Укрепление позиций США в регионе фактически лишает Китай такой возможности. Таким образом, противоборство между двумя этими странами на геополитическом уровне неизбежно затронет Центральную Азию, представляющую собой удобный плацдарм для создания угрозы стратегическому тылу Китая со стороны США. Этот сценарий носит долгосрочный характер и может привести к появлению непосредственной военной угрозы странам региона [14, с. 68]. К числу внутривосточных причин, заставляющих китайское руководство уделять особое внимание Центральноазиатскому региону, следует отнести ситуацию в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Политика Пекина строится на стремлении недопущения поддержки извне национального движения в СУАР, где уйгурское население уже много раз создавало серьёзные проблемы правительству страны. Образование независимых государств в Центральной Азии, населённых родственными уйгурам в религиозном и языковом отношении народами, стимулировало активность сепаратистских сил в этом районе Китая. Беспокойство вызывает также наличие большой уйгурской диаспоры в государствах региона [15, с. 15]. На территории ряда государств Центральной Азии, в частности, Казахстана и Кыргызстана, действует несколько экстремистских уйгурских организаций, и власти Китая прилагают значительные усилия для их нейтрализации. В частности, по сведениям ряда зарубежных аналитиков, «они оказывают давление на соседей по Центральноазиатскому региону, требуя пресечь деятельность групп, выступающих за независимость СУАР путём

признания их террористическими организациями, требуя экстрадиции их членов» [2].

В свете рассматриваемой темы особое значение отводится позиции России в Центральноазиатском регионе. Она во многом определяется местом и ролью Российской Федерации в мировом геостратегическом раскладе сил, сложившимся после распада Советского Союза. Внешнеполитическая стратегия России нацелена на решение комплекса сложнейших задач, связанных с исключением возможности столкновения с каким-либо глобальным центром силы, недопущением изоляции России на мировой арене, укреплением её позиций как влиятельного субъекта мировой и региональной политики, созданием благоприятных условий для органичного включения основной части постсоветского пространства в глобальный мир [16, с. 31].

По мнению западных экспертов, «Россия сейчас занимает самые сильные геополитические позиции со времён окончания холодной войны. Упадок её военной составляющей удался в основном остановить, страна купается в нефтедолларах, внешняя задолженность выплачена, мятеж в Чечне подавлен, центральная власть фактически ликвидировала внутривосточную оппозицию, правящий режим пользуется популярностью в народе, а вооружённые силы США настолько увязли в других регионах, что не могут реально блокировать наступление России – они способны лишь на символические жесты в этом направлении» [17].

В то же время Россия продолжает испытывать сильное давление со стороны некоторых мировых центров силы, что негативно сказывается на её геостратегических и геополитических позициях. В частности, по периметру всех её западных границ расположились государства НАТО. Ускорившаяся модернизация вооружённых сил в азиатском регионе вынуждает Россию планировать оборону на двух фронтах, чего в советские времена ей так и не удалось достичь [17]. США и страны НАТО стремятся укрепить свои геостратегические и геополитические позиции, активизируя политику политического и военного проникновения на Кавказ. Всё возрастающую угрозу национальным интересам России оказывает активизация действий США и их союзников по НАТО в сфере укрепления политических и военно-стратегических позиций в государствах Каспийского региона.

Главные документы, определяющие внешнюю политику России в настоящее время и на перспективу, в том числе «Концепции внеш-

ней политики Российской Федерации” [18; 19] и “Концепции национальной безопасности Российской Федерации” [20–22], в числе важнейших приоритетных направлений называют страны СНГ. Как определено в этих документах, именно там сосредоточены основные интересы России и именно отсюда исходят основные угрозы её безопасности. Так, в “Концепции внешней политики РФ”, утверждённой Президентом РФ 28 июня 2000 г., говорится: “Приоритетным направлением внешней политики России является обеспечение соответствия многостороннего и двустороннего сотрудничества с государствами – участниками СНГ задачам национальной безопасности страны. Упор будет делаться на развитие добрососедских отношений и стратегическое партнёрства со всеми государствами – участниками СНГ” [18].

Важное место отводится и Центральной Азии ввиду её стратегической и экономической значимости. Интересы России в регионе основываются на стремлении сохранить особые отношения, сложившиеся между ними в политической, экономической, военной и культурной сферах, за время совместного пребывания в составе Российской империи и Советского Союза. Российское влияние на политические, экономические и культурные отношения с народами региона продолжает оставаться достаточно значительным. Центральноазиатская политическая и военная элита, получившая в свое время советское образование, не имеет языковых барьеров и достаточно близка по своему мировоззрению российской элите. Значительная часть населения региона не только сохранила русский язык в качестве языка общения, но и поддерживает традиции русской культуры. В плане взаимовлияния и многообразных связей в регионе никакая другая страна не может сравниться с Россией. Сегодня существует немало точек соприкосновения, сближающих позиции сторон. К числу позитивных моментов следует отнести и то, что между сторонами не существует претензий территориального, политического или религиозно-характера.

Вместе с тем, следует воспринимать как историческую реальность то, что распад СССР привёл к появлению в центре евразийского континента пяти новых независимых государств, каждое из которых проводит самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, защищает собственные национальные интересы и стремится обеспечить безопасность своих стран. В контексте решения этих и многих других проб-

лем большое место отводится Российской Федерации. В свою очередь и руководство России не оставляет без внимания этот важный для неё регион. При этом следует отметить, что политика России в отношении стран Центральной Азии с начала 90-х гг. и по настоящее время неоднократно претерпевала серьёзные перемены. В 90-е гг. А. Козырев, находясь в должности министра иностранных дел РФ, проводил курс на фактический уход России из Центральноазиатского региона, государства которого считались балластом, мешающим развитию России. Процесс её возвращения в Центральную Азию стал реальностью только после победы на президентских выборах В.В. Путина. Это, по мнению некоторых аналитиков, последний рубеж стратегического отступления России после её ухода с традиционно подконтрольных зарубежных территорий Восточной Европы. Так, Д. Мельников считает, что, потеряв Центральную Азию, Россия лишится последних буферных зон, и её стратегическая оборонительная линия будет проходить по государственной границе [1].

Как известно, многие страны мира, используя политику ухода России из ЦАР, поспешили предпринять усилия для того, чтобы укрепить здесь свои позиции, поэтому РФ после возвращения в регион столкнулась с возросшей конкуренцией с их стороны. Ситуация осложнялась и тем, что многие из них, в частности, США и Китай, Турция и Иран, объявили Центральную Азию сферой своих жизненно важных интересов и отводят региону, по разным причинам, важное место в своей политике. Таким образом, эта часть евразийского континента уже превратилась в арену столкновения геополитических интересов этих и ряда других стран. В “Концепции внешней политики Российской Федерации” отмечается, что “усиливается тенденция к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США” [18].

По мнению аналитиков, крайне важным обстоятельством является то, что в плане укрепления региональной безопасности “центральноазиатские государства ожидали гораздо большего от сотрудничества со странами Запада, в первую очередь, с Соединёнными Штатами. Разочаровавшись активным навязыванием рядом западных государств “более глубоких” политических реформ, сегодня большинство стран ЦАР надеются, что именно Российская Федерация поможет им сформировать эффективные структуры региональной безопасности” [23, с. 67].

В настоящее время сотрудничество России с государствами ЦАР в многостороннем формате успешно осуществляется в рамках СНГ, ОДКБ и ШОС.

Литература

1. Мельников Д. Фактор Китая в центральноазиатском векторе внешней политики России // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.ia-centr.ru>
2. Озоди Д. Китай и Центральная Азия: мнения экспертов // Апология. 2005. № 4.
3. Лаумулин М.Т. Стратегия и политика США в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3.
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.–Л., 1998.
5. Ниязи А. Новая политика: ШОС перекрывает Большую Центральную Азию // Аналитика. 17. 09. 07 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.tazar.kg/news>
6. Сыроежкин К. Центральная Азия в треугольнике “Россия, Китай, Запад”: выбор приоритетов // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 10
7. Китспоттер В. де. Большая игра в Центральной Азии // Ядерный контроль. 2005. Т. 11. № 1 (75).
8. Анализ военно-политической обстановки и военные угрозы жизненно-важным интересам Российской Федерации до 2015 года // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.patriotika.ru>
9. Чуфрин Г. Дискуссия в “Международной жизни” // Международная жизнь. 2007. № 4.
10. Филопулов А. В чём суть “Большой игры” 21 века. 2 января 2008 // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.Analitika.org>
11. Малышева Д.Б. Геополитические манёвры на Каспии // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 5.
12. Китай рубит окна в Центральную Азию. 31 января 2008 // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.CentrAsia.ru>
13. Сыроежкин К. Кто опаснее для Центральной Азии, Китай или Америка? Оценки экспертов // Континент. 2002. № 15(77).
14. Международная научная конференция “Казахстан и Россия: перспективы стратегического партнёрства”. Алматы, 2006.
15. Внешняя политика Казахстана: выработка новых приоритетов. Алматы, 2002.
16. Кувалдин В.Б. В поисках сути российской внешней политики // Международная жизнь. 2007. № 6.
17. “Stratfor”. Прогноз на 2008 год: страны бывшего СССР // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.Tazar/kg>
18. Концепция внешней политики Российской Федерации. 28 июня 2000. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.mid.ru>
19. Концепция внешней политики Российской Федерации. 12.07.2008 // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.kremlin.ru>
20. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. № 1300. 17 декабря 1997 г. // Российская газета. 1997. 26 декабря.
21. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. № 24. 10.01.2000 // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.nationalsecurity.ru>
22. Концепция национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. № 537. 12.05.2010 // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/436.html>
23. Пармонов В.В. и др. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. Бишкек, 2008.